

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

St.Petersburg Journal of Oriental Studies

**выпуск 6
volume 6**

Центр
"Петербургское Востоковедение"

Санкт-Петербург
1994

тербург, и обрисовал практику подготовки православных миссионеров для служения среди мусульман и буддистов. По уставу 1884 г. на миссионерских курсах при Академии изучали этнографию, историю распространения христианства среди обращаемых народов, догматические положения ламаизма. Докладчик отметил, что до 1917 г. миссионерские курсы работали очень плодотворно, чему во многом способствовала деятельность и научные труды архимандрита Гурья (Алексей Иванович Степанов). В связи с тематикой сессии особенно интересно было сообщение о фактах обучения на казанских миссионерских курсах выпускников учебных заведений при Токийской миссии. Это были воспитанники Святителя Николая Михай Накамуда и Петр Давыдович Кусыяма.

Е. Кухтина (ИВ РАН, г. Москва) в сообщении "Библия в китайских и корейских переводах" предложила концепцию перевода христианских текстов на восточные языки, отметила актуальность опыта переводческой деятельности членов Российской Духовной Миссии в Пекине.

В заключительном слове акад. *М. Н. Боголюбов* отметил, что сложилась плодотворная традиция научных сессий "Православие на Дальнем Востоке", и в будущем можно будет включать в их тематику также анализ деятельности Сибирских Православных Миссий.

Ермакова Т. В

Конференция памяти Г. Габеленца

14—15 июня на восточном факультете Санкт-Петербургского государственного университета проходила научная конференция, посвященная памяти выдающегося немецкого ученого Георга фон дер Габеленца (1840—1893). Конференция была организована по инициативе Санкт-Петербургского Центра китайского языка.

Среди докладов, представленных на конференции, прежде всего следует отметить те, в которых характеризуются взгляды немецкого лингвиста и, в частности, актуальность их для современной китайистики.

В докладе *В. Б. Касевича* "Некоторые типологические особенности китайского

языка в освещении Г. фон дер Габеленца" подробно рассматривались такие понятия "Китайской грамматики" Габеленца, как изоляция (использование внешних для слова средств — словопорядка и служебных слов — для выражения связи между словами), моносиллабизм (регулярное совпадение корневого слова со слогом), а также анализировались взгляды немецкого ученого на грамматику и стилистику китайского текста. Рассмотрена также трактовка Габеленцем системы минимальных сегментных единиц китайской фонологии.

Доклад *С. Е. Яхонтова* "Классы слов и классы функций в китайском языке" был посвящен теории частей речи Габеленца, согласно которой китайские слова делятся по их основному значению на категории, обозначаемые немецкими терминами (Hauptwort "существительное", Eigenschaftswort "прилагательное", Zeitwort "глагол"), а части речи выделяются по функциям, в которых выступают слова той или иной категории, и обозначаются латинскими терминами (Substantivum, Adjectivum, Verbum). Категория слова есть его постоянный признак, часть речи может меняться. По словам докладчика, постоянную категорию слова можно определить не только по лексическому значению, но и формально — по набору возможных функций и трансформационным отношениям между последними. В то же время если последовать наиболее распространенной современной теории и исключить из описания "латинские" части речи как дублирующие названия синтаксических функций, то окажется, что теория членов предложения потребует значительных изменений в связи с определенными свойствами китайского синтаксиса.

Доклад *Т. Н. Никитиной* "Функциональные и семантические классы слов у Габеленца" содержит характеристику учения Габеленца о падежах на примере функций существительного. Падежом называется отношение существительного к другому существительному или к глаголу. Падежи однозначны, значение каждого строго определено. Основные достоинства подхода ученого к выделению классов слов в китайском языке докладчик видит в том, что задача грамматики сводится к составлению правил, по которым слова определенного грамматического класса реализуют свои значения в конкретных функциях.

В докладе *Л. С. Ермолаевой*, посвященном общелингвистическим взглядам Габеленца, не зачитанном на конференции, по представленному в ее материалах, отме-

чалась заслуга немецкого лингвиста в системном изложении общего языкознания с учетом типологического своеобразия языков Европы, Азии, Африки, Америки. Габеленц впервые поставил вопрос о целеносистемной типологии языков с соблюдением иерархии признаков языкового типа, а также приблизился к пониманию задач типологической реконструкции. В установлении основных факторов языковой эволюции Габеленц сумел предвосхитить дальнейшее развитие языкознания. Лингвистической концепции Габеленца присущи некоторые черты социологизма, что проявляется в понимании языка как средства обмена мыслями, во внимании к "языкам сословий", диалектам, а также в трактовке языковых изменений (инновация как нарушение узуса).

К перечисленным выше докладам примыкает доклад **А. Н. Хохлова** о контактах русских и немецких сиологов в XVIII—XIX вв. На основании архивных материалов приводятся ценные сведения о научной деятельности и научных контактах таких ученых, как Г. З. Байер, К. Гюцлаф, Ю. Клапрот, В. П. Васильев. При всей эпизодичности этих контактов творческое общение русских и немецких ученых не могло не дать положительных результатов, способствовало расширению научных знаний о Китае, его материальной и духовной культуре.

Вторую группу докладов, представленных на конференции, составляли китаистические или хотя бы связанные с использованием данных китайского языка.

В докладе **Е. М. Шабельниковой** "Паузировка звучащего текста и правила пунктуации в китайском языке" на основе анализа экспериментальных данных формулируется вывод о не полном соответствии между количеством знаков препинания и реальных пауз в китайской речи. Как правило, паузы оказываются значительно больше, чем знаком препинания в письменном тексте. Необходимость членения звучащей речи на более мелкие, чем в письменном тексте, отрезки определяется, кроме всего прочего, ритмической структурой высказывания: в первую очередь числом слогов между соседними знаками препинания. Позиция же паузы внутри отрезка текста, ограниченного знаками препинания, связана, видимо, с синтаксической структурой.

Доклад **Е. А. Серебрякова** "Роль географических названий в китайском классическом стихе" построен на материале четырех сборников стихов Хань Юя (768—824), Ли Хэ (790—816), Хуан Тин-цзяня

(1045—1105) и Лу Ю (1125—1210). Насыщенность поэтического текста, включая и заглавия, географическими названиями большая: подсчеты показывают, что эти названия встречаются примерно в половине всех стихотворений. Докладчик рассмотрел правила употребления, структуру и поэтическую семантику географических названий. Будучи существительными, эти названия обычно выступают в функции определения. В древности, как отмечал еще Габеленц, преобладали однословные географические названия, к таким же названиям охотно обращались поэты и последующих эпох. Иногда название-определение указывает на связь человека с определенной местностью. В старом Китае географические названия, указывая на родной край или место службы, нередко становились прозвищем человека и помещались после фамильного знака. В поэзии они могут и замещать личное имя. Нередко они участвуют в параллелизмах.

В докладе **Н. В. Станкевич** "Китайско-вьетнамская грамматическая интерференция" проводится сопоставительный анализ китайского оригинала "Записей о благодеяниях будды Фап-ван области Котяу" и его вьетнамского перевода (оба датируются 1752 годом). В предложениях, где китайский и вьетнамский порядок слов одинаков, интерференции не наблюдается, но она встречается в несоответствующих конструкциях — со значением временной веи, атрибутивных. При отсутствии вьетнамских эквивалентов китайских служебных показателей переводчик прибегал к расширению функций вьетнамских служебных элементов, использованию слов других классов, заимствованию китайских служебных слогоморфем.

Доклад **И. Т. Зограф** "Вэньянь и байхуа — особый случай языкового взаимодействия", не звучащий на конференции, но отраженный в ее материалах, посвящен контакту двух литературных форм китайского языка — *вэньяня*, сформировавшегося на основе древнекитайского и продолжавшего функционировать до начала 20 века, и *байхуа*, отражающего живую речь. Не касаясь влияния *вэньяня* на *байхуа*, докладчик отмечает, что для *вэньяня* характерно прямое заимствование служебных слов и конструкций из *байхуа* (средневекового и современного). Наиболее интересными и вместе с тем менее всего уловимыми являются, во-первых, сдвиги в грамматических значениях служебных слов древнекитайского, вызванные разными конкретными при-

чинами, но в конечном счете объяснимые влиянием *байхуа*, и, во-вторых, переосмысление древнекитайских конструкций, причем исходное их значение либо полностью выпесняется новым, либо сосуществует с ним.

Последний блок материалов конференции составляют доклады по языкам Юго-Восточной Азии.

В докладе *Нгуен Тай Кана* "Некоторые замечания о китаизмах с начальными кластерами и/или двусложной структурой" было подчеркнута значение для истории китайского и вьетнамского языков, которое имеют заимствования из китайского, в разные его периоды, в языки вьетмыонгской группы — в том числе относительно архаичные: *мыонг*, *рук* и др. Часть древней китайской лексики с начальными сочетаниями согласных была в заимствующих языках преобразована в двуслоги, а часть сложных китайских инициалей — в кластеры (сочетания согласных). В каждом отдельном случае китаизмы вьетмыонгских языков, сказал докладчик, требуют отдельного дальнейшего изучения.

В докладе *Д. И. Еловкова* пересматривалась проблема слогоморфемы, которую считают особой языковой единицей изолирующих слоговых языков. Как известно, основанием для введения понятия слогоморфемы послужило существование незначимых слогов, участвующих в грамматических правилах наравне со значимыми. Докладчик указал, однако, на такие же единицы — в тайском, кхмерском языках — с двусложной структурой, и подчеркнул несамостоятельное участие в правилах, свойственное незначимым единицам. Формальное и функциональное сходство значимых и незначимых единиц в языках обсуждаемого типа, заключил Д. И. Еловков, позволяет объединить те и другие в единый класс "основных структурных единиц" языка.

В. Б. Касевич в своем втором докладе рассмотрел соотношение семантики модальности и эвиденциальности (засвидетельствованности) в бирманском языке, а также и средства выражения в нем тех и других значений. Так, значение цитатности (ссылки на чьи-либо слова) по-бирмански образует особую подсистему, четко ограниченную от выражения модальности, что позволяет совмещать оба типа семантики в одном предложении. Существуют, однако, и многозначные показатели, связанные с обеими семантическими сферами. Кроме того, имеется полисемия показателей модальных значений: значения "может" и "должен" в бирманском языке объединены формально

в рамках более широкой категории, которую докладчик обозначает как "контролируемость".

А. К. Оглоблиным была рассмотрена проблема истолкования оппозиции двух пассивных форм глагола в индонезийском языке. Докладчик сообщил количественные данные по употреблению этих форм в текстах в пользу предположения о том, что обсуждаемые формы противопоставлены по двум грамматическим категориям: лица и личности, причем каждая форма маркирована только по одной категории, выражая значения 3 лица субъекта действия и, соответственно, субъекта как личности (человека). Затем автор коснулся употребления пассивных форм в целевой конструкции. В частности, глагол, выражающий цель другого действия, ставится в пассиве, если его объект совпадает с объектом главного глагола (русским эквивалентом может быть употребление анафорического местоимения — "сварил рыбу, чтобы съесть ее").

Три доклада были посвящены условным конструкциям, которые в языках представлены разными вариантами, главным из которых часто является сложноподчиненное предложение с условным союзом.

И. В. Григорьеву принадлежит (не читавшийся на заседаниях) доклад об этих конструкциях в тагальском и малагасийском языках. Рассмотрены грамматические средства конструкций: условные союзы, частицы, грамматические формы глагола, отмечена полифункциональность этих средств, наличие вариантов конструкций, проведение сопоставления двух родственных языков австронезийской семьи.

И. С. Быстров и *Н. В. Станкевич* в своем докладе охарактеризовали условные конструкции во вьетнамском языке, представив их формальную и семантическую классификацию. Один из главных выводов авторов состоит в том, что употребление формальных средств в условных конструкциях, включая союзы, не является обязательным — черта, характерная для всех служебных слов вьетнамского языка.

Кхмерским условным конструкциям с союзом *neu* "если" был посвящен доклад *П. М. Снатара*. В нем много внимания уделено порядку следования частей конструкций — главной и зависимой — соотношению семантики гипотетичности и времени, смысловым парадигматическим связям условной и других конструкций (уступительной, временной и др.). По словам докладчика, возможность представления причинно-следственных связей как услов-

но-следственных определяется волей говорящего. Условный союз в кхмерском языке опускается крайне редко (ср. выше о вьетнамском).

А. К. Оглоблин,
В. С. Панфилов

Зографовские чтения в Санкт-Петербурге

В Санкт-Петербургском филиале Института Востоковедения РАН стали традицией ежегодные чтения "Проблемы интерпретации традиционного индийского текста", которые обычно проводятся в секторе Южной и Юго-Восточной Азии и собирают индологов со всей страны. Очередная сессия проходила с 26 по 28 апреля 1994 года. На первом же заседании было принято решение назвать ежегодные встречи индологов "Зографовскими чтениями", так как их организатором и бессменным руководителем с 1980 года был Г. А. Зограф, заведующий сектором Южной и Юго-Восточной Азии.

Отличительной особенностью чтений стали профессионализм, оригинальность идей и нестандартный подход к проблемам древних культур. Этому в немалой степени способствовал научный авторитет Г. А. Зографа, его высокие требования к уровню докладов. Нельзя не отметить и теплую, дружескую, можно сказать, праздничную атмосферу, в которой всегда проходили встречи ученых из разных городов страны. Во многом она создавалась благодаря гостеприимству и сердечности Георгия Александровича.

Для чтений последних лет было характерно широкое привлечение сравнительных материалов и типологическое рассмотрение проблем традиционного текста, выходящее за рамки географического региона. Судя по темам докладов, они все чаще вписываются в общемировую культурный контекст. В этом отношении чтения 1994 года не уступают предыдущим.

С первым докладом на "Зографовских чтениях" выступил академик РАН *М. Н. Богданов* (СПбГУ). В его сообщении на основе обширного сравнительного материала

проводилась параллель между некоторыми иранскими и санскритскими астрономическими терминами с целью выявить общие индоиранские соответствия.

А. Л. Грюнберг (СПб ИЯ РАН) в докладе "Кафирские гимны богам из архива М. С. Андреева" привел материалы по сохранившимся вплоть до конца XIX века языческим культам кафиров (нуристанцев), а также первые записи об одном из кафирских языков *кати*. Кафирский язык представляет собой самостоятельную ветвь индоевропейских языков, а в мифологии кафиров прослеживаются параллели с богами древнеиндийского пантеона (Яма, Индра). Докладчик подчеркнул, что эти уникальные материалы могут и сегодня служить надежным источником для дальнейших исследований.

В докладе *Т. Я. Елизаренковой* (ИВ РАН, Москва) "Мир вещей ария Ригvedы (слова и вещи)" на примере названий *rātha* (колесница) и *āpas* (повозка) проводится мысль о постоянном обмене между сферами ритуальных и профанических вещей, характерном для мира древних ариев. От периода "ведийской ночи", длившегося около 1200 лет, остались только слова — устно передаваемый текст Ригvedы, лишь по нему можно судить о мире вещей того времени. Ярче всего в тексте РВ отражены "вещи", относимые мифопоэтическим сознанием к области сакрального; профанические вещи оказываются отодвинутыми на периферию. Слово в этом культовом эзотерическом тексте, сохраняя название вещи и давая представление о ее значении, одновременно переносит эту вещь в мир идеального.

Н. В. Гуров (СПбГУ) в сообщении "Атхарваведа и проблемы формирования Южноазиатского культурно-языкового ареала (к интерпретации гимнов АВ XI.9, 10)" обратил внимание на "мозаичный" характер мифологии и культуры "Атхарваеды", что объясняется длительным взаимодействием нескольких индоарийских диалектов (представляющих культуру РВ) с целым конгломератом разнотипных "автохтонных" языков и этносов в период сложения памятника (рубеж II—I тыс. до н. э.). Эти соображения иллюстрируются анализом гимнов АВ XI. 9, 10, в которых индоарийские и индоиранские мифологические представления сочетаются с элементами протодравидийской мифологии.

В сообщении *П. Г. Краснодарской* (МАЭ РАН) "Мир вещей буддийского монаха (по сингальским хроникам)" на материале

* Материалы конференции публикуются в сборнике: Общее языкознание. Языки Китая и Юго-Восточной Азии. Тезисы докладов конференции, посвященной памяти Георга фон Габелена (1840—1893). 14—15 июня 1994 г. СПб., 1994.